

Лучшее лекарство от скуки – авантурные детективы

Татьяны и Анны Поляковых:

Сериал

«Таинственная четверка»

Миссия свыше

Коллекционер пороков и страстей

Знак предсказателя

В самое сердце

Четыре всадника раздора

Тень у порога

Племя Майи

Сериал «Я и Владан Марич»

Найти, влюбиться и отомстить

Жаркое дыхание прошлого

Не вороши осиное гнездо

Сыщик моей мечты

Голос, зовущий в ночи

Когда я вернусь

Свет мой тишина

Три с половиной оборота

Сериал «По имени Тайна»

Две половинки Тайны

Тайна всегда со мной

Ключ к нашей тайне

ТАТЬЯНА
И
АННА
ПОЛЯКОВЫ

ПЛЕМЯ МАЙИ

МОСКВА

УДК821.161.1-312.4
ББК82(2Рос=Рус)6-44
П54

В коллаже на обложке использован фрагмент:

© Shutterstock-Pixelsquid / Shutterstock.com

<<http://shutterstock.com/>> / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com

<<http://shutterstock.com/>> / FOTODOM

Редактор серии *Л. Латышова*

Оформление серии *Е. Петровой*

Полякова, Татьяна Викторовна.

П54   Племя Майи : [роман] / Татьяна и Анна
Поляковы. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-225550-2

Майя жила обычной жизнью, пока не получила на почту загадочное сообщение от незнакомца: «Я знаю, кто убил твоего отца». А звонок от нотариуса с известиями, что какой-то мужчина оставил ей наследство, заставил привычный мир рассыпаться как карточный домик. Все свои 29 лет девушка считала себя ребенком случайной связи, а теперь ей предстоит узнать правду о своем происхождении и раскрыть тайны прошлого ее настоящей семьи. Ответы ближе, чем она думает, и опаснее, чем можно представить...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 82(2Рос=Рус)6-44

© Татьяна и Анна Поляковы, текст,
2025

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-225550-2

Ромка еле плелся позади меня и этим, признаться, жутко раздражал. До начала концерта оставалось всего пятнадцать минут, а с его скоростью мы рисковали добраться до филармонии только к антракту.

— Говорила же, надо на машине ехать, — бросила я через плечо.

Он картинно ухватился за свой пухлый бок, обтянутый белоснежным хлопком заботливо отутюженной Лизой рубашки, и лишь покачал головой.

— Нельзя, — выдавил Ромка, тяжело дыша. — Шампанское в буфете без меня не сможет! А после бокальчика-другого я не смогу за руль.

— Всегда думала, что ты ценитель других пенных напитков.

— Правильно думала, — согласился он наконец поравнявшись со мной. — Но в филармонии с пивом туго.

— Приходится довольствоваться тем, что есть? Понимаю.

На самом деле понимала брата я лишь отчасти. С одной стороны, от похода на концерт отвертеться ему было чрезвычайно сложно. Совсем не-

давно в оркестр был зачислен бывший муж Ромкиной жены Лизы. Вот тут логичным решением было бы держаться от филармонии подальше. Какой резон любоваться на пусть неактуального, но все же некогда супруга своей же благоверной? Но у Лизаветы Степановны на этот счет всегда был свой аргумент:

— Вы не понимаете! — картинно качала она головой. — Муж — это временно, а бывший муж — навсегда!

Ромку это почему-то не удивляло и даже не обижало. Будто он и сам был рад сознавать, что его брак — явление временное, и когда-то этому всему придет конец. Впрочем, с появлением на свет Ариши, их дочери, шансы закрепиться в роли мужа уважаемой Елизаветы Степановны Лукиной наподольше заметно крепли.

Для Лизы брак с моим братцем был вторым, и это при том, что она младше меня на три года. Я вот еще ни разу не успела побывать замужем. Впрочем, расстраивало это меня не так чтобы сильно: картина, которую я наблюдала в доме Лукиных, была настоящей антирекламой семейных уз.

Лиза вечно была недовольна Ромкой, то и дело сравнивая его то с бывшим мужем, то с собственным отцом. Чаще с первым, конечно. Сравнения, как правило, были не в пользу брата.

— Вот Епифан килограмм на двадцать худее тебя, — заявила она как-то прямо посреди семейного застолья.

Епифан Лукин — тот самый скрипач, который сегодня выступал в филармонии в составе орке-

стра, и бывший муж Елизаветы. Фамилию она, кстати, после развода менять не стала, и после брака с Ромкой — тоже. Наша прекрасная древняя фамилия Бубликовы ей почему-то не нравилась. Она даже брата склоняла стать Лукиным, чтобы в семье не было расхождений в этом вопросе, но тут, надо отдать ему должное, Ромка был непреклонен.

— С одним Лукиным уже не сложилось, — проворчал он как-то, когда мы все вместе гостили на нашей семейной даче. — Вдруг дело в фамилии?

— Нет, ну как я тебя людям представлять-то буду? Знакомьтесь, мой муж, Роман Вениаминович Бубликов?

— А что не так? — искренне недоумевал братец.

— Нет, ну угораздило же вас, — сетовала Лиза, переводя жалостливый взгляд с него на меня.

— Не понимаю недовольства, — вступилась я за Ромку. — Нормальная фамилия, меня за нее даже в детстве не дразнили.

— Ну правильно, с таким-то именем! — хохотнула Лиза.

Я вытаращила глаза, силясь убедить себя в том, что мне послышалось.

— Имя-то ее тебе чем не угодило? — полностью разделил со мной недоумение братец.

— Майка, сними майку! — выдала Елизавета Степановна, радостно хлопнув в ладоши, будто ей было лет пять, а не на добрых два десятка больше.

В тот момент я поняла, что тактом девушку обделили в пользу других качеств. Видимо, внешних. Голубоглазым блондинкам в жизни

в целом можно как будто бы чуть больше, чем всем остальным. Очевидно, в силу того факта, что людей на планете с таким цветом волос и глаз заметно меньше, чем всех остальных. Так, по крайней мере, утверждает упрямая статистика. И фамилии, конечно, таким людям следует носить исключительно благозвучные.

Вскоре оказалось, что обидная дразнилка с моим именем — лишь цветочки. Потому что Лиза тогда продолжила как ни в чем не бывало:

— А вообще, почему у вас фамилии одинаковые? — нахмурилась она. — Вы же двоюродные. Ромкин папа — родной брат твоей матери, так?

— Да, — кивнула я.

— Ну и чего ты с девичьей фамилией матери ходишь, почему отцовскую не носишь?

Ромка хотел было что-то сказать, но я его опередила:

— Нет у меня отца.

Любой другой человек в этот момент смутился бы. Попытался перевести тему или извиниться за бестактность. В крайнем случае — отшутился бы. Но только не Лизавета Степановна.

— А отчество есть? — спокойно спросила она.

— Есть, — твердо заявил Роман, чем несказанно меня порадовал. — Хочешь узнать его, чтобы еще какую-нибудь детскую дразнилку придумать?

Я уж было думала, что брат прочно засел под каблуком, но стала свидетелем настоящего чуда.

— Обойдусь, — обиженно буркнула Лиза, привыкшая, что она одна задает тон любой беседе.

В общем-то, это было совсем недалеко от истины. Лизавета Степановна умела не только напра-

вить разговор в нужное ей русло, но и склонить на свою сторону даже тех, кто был с ней категорически не согласен.

Со мной это не очень-то работало. Я быстро раскусила жену брата, и, поняв это, в моей компании Лиза присмирела. Ну а Ромке с каждым годом доставалось все больше. Вместе они провели уже три, но я бы засчитывала минимум год за пять.

Вот и сегодня братец после работы плелся со мной в филармонию. Я, между прочим, торопилась туда по доброй воле, чего нельзя было сказать о Роме. Он исполнял наставление жены, а не стремился послушать на досуге классическую музыку, как я.

Будь его воля, он с гораздо большим удовольствием провел бы время у телевизора, слушая концерт группы «Любэ», или потягивая пиво с друзьями в караоке, старательно подвывая Лепсу в засаленный микрофон.

Однако как только Лукин устроился в филармонию, он первым делом снабдил приглачительными Лизавету Степановну.

— Епифан обидится, если мы не воспользуемся проходками, — театрально куксилась она, сидя за столом в их с Ромкой кухне.

— Сама и пользуйся!

— А Аришу кто кормить будет? Кормящий отец?

— Почему бы и нет? Не зря же умные люди смесь изобрели.

— Ага, для тех, у кого молока нет! — не сдавалась она. — Хотя с такими нервами и у меня оно

скоро пропадет! — Тут голос Лизы делался едва ли не трагическим.

Далее следовала продолжительная пауза, в течение которой Ромке полагалось осмыслить всю тщетность собственных попыток отказать супруге, а также осознать степень ответственности за выработку молока в груди кормящей матери.

Разумеется, избежать похода в филармонию шансов у брата не было. Выручать его в беде предстояло мне. Во-первых, никто из его друзей на это не пошел бы, даже если Ромка предложил бы им доплатить за альтруизм. Во-вторых, звать товарищей на концерт бывшего мужа собственной жены казалось странным даже мне. Ну и, в-третьих, я сама вызвалась выручить брата. Не только из любви к музыке и родственнику, но и просто потому, что так у нас повелось с детства: стоять друг за друга горой.

Родных братьев и сестер у меня не было, а мне очень хотелось иметь старшего брата. У моей подруги детства Кати, например, он был. Да, им приходилось делить одну комнату на двоих и даже письменный стол, а также периодически отстаивать собственные интересы в драках. Подруга жаловалась на супостата, потирая свежие ссадины, а я вздыхала. Она-то думала, из сочувствия, но на самом деле из зависти. Очень уж хотелось и мне иметь брата. Я бы даже, пожалуй, сама предлагала ему наставить мне тумачков, по-братски.

Собственно, брат у меня имелся, к тому же старший, пусть и всего на тринадцать дней. С одной только оговоркой — Ромка был мне двоюродным и жил, как назло, на другом конце го-

рода. В детстве мы виделись преимущественно на семейных праздниках да летом на даче. Там во время школьных каникул мы и отрывались по полной.

Уж не знаю, мечтал ли Ромка о родной сестре, но что-то мне подсказывает, что меня ему хватало с лихвой. К тому же у него, в отличие от меня, был старший брат. Самый настоящий. Вот только разница в возрасте у них была целых одиннадцать лет, а потому, когда Ромка пошел в первый класс, Вовка пошел в армию. А после и вовсе женился да переехал в другой город. Так что со мной у Ромы отношения сложились гораздо более близкие, чем с собственным братом.

Мы, в отличие от моей подружки, не дрались и всерьез не ссорились, даже несмотря на то, что летом на даче делили одну комнату на двоих. Точнее, целый чердак. На него снизу вела довольно крутая лестница, а потому взрослые были там редкими гостями. Мы же с удовольствием проводили там дождливые дни за играми в шашки и карты. Нередко с нами ночевал Мурзик — проворный серый кот нашей бабушки, имевший уникальную способность мурлыкать громче трактора. Кажется, она даже немного ревновала к нам своего питомца.

Как-то раз Мурзик пропал. Он не появлялся дома больше суток, что для нашего кота было совершенно нетипичным. Бабушка пила сердечные капли и жалобно звала любимца, бродя туда-сюда по проселочной дороге.

Ареал нашего с Ромкой поиска был куда шире, нам тогда было уже по четырнадцать лет, и мы

были вполне самостоятельными. Однако результаты поиска также были нулевыми. На третьи сутки мы повесили возле местного магазина объявление с описанием Мурзика и призывом срочно связаться с нами, если кто-то увидит беглеца.

Вскоре нам позвонил Андрей. Он жил в соседней деревне и утверждал, что который день к нему на крыльцо приходит ночевать кот с подбитой лапой, весьма подходящий под описание нашего Мурзика. В тот же вечер Андрей привез нашего кота. Парень приехал на мотоцикле. За пазухой у него сидел наш питомец, успевший пострадать в какой-то драке, а за плечами парня висела гитара. Именно тогда я и влюбилась в музыку. Ну и в Андрея, разумеется, тоже. Затрудняюсь сказать, в кого из них больше, но, вернувшись в конце лета в город, твердо решила тоже научиться играть на каком-нибудь инструменте. Очень уж хотелось произвести впечатление.

Возраст мой для обучения в музыкальной школе сочли весьма почтенным и зачислять отказались наотрез. А вот частные уроки предложили. Правда, в качестве инструмента сватали балалайку. Перспектива меня мало прельщала, а потому стены учебного заведения я покидала почти бегом. Затею, однако, не оставила и вскоре сама по объявлению нашла преподавателя игры на гитаре. Им оказался выпускник все той же музыкальной школы, единственной в нашем городе. Слава был на три года меня старше, на голову выше Андрея, да и гитара его мне нравилась куда больше.

Впрочем, и в Славе, и в Андрее уже к следующему лету я успела разочароваться, а вот любовь

к музыке смогла пронести сквозь года. Пару неза-
тейливых мелодий на гитаре я способна сыграть
до сих пор, но все же предпочитаю слушать ис-
полнение профессионалов.

То, что Лукин, бывший муж Елизаветы, явля-
ется таковым, я нисколько не сомневалась: иначе
его бы попросту не взяли в филармонию. Однако
определенное любопытство и волнение присут-
ствовали, будто я отправлялась на выступление
близкого человека. На самом же деле с Епифа-
ном я лично знакома не была, хотя слышала
о нем столько, что впору причислять музыканта
к родне.

Не знаю, охватывали ли подобные чувства по
отношению к бывшему своей нынешней моего
брата. По мне, так, кроме досады, он ровным сче-
том ничего не испытывал. Хотя, как только мы
переступили порог филармонии и протянули для
контроля билеты, я услышала в его голосе удо-
влетворение:

— Успели!

Часы в фойе показывали ровно семь часов
вечера.

— Ты как будто даже рад, — хмыкнула я.

— Еще бы! Иначе сначала мне досталось бы от
тебя, а потом еще и от Лизаветы.

Возразить на это мне было нечего, да и про-
молчать следовало бы в любом случае — мы как
раз вошли в концертный зал. Места нам доста-
лись отличные — в самом центре третьего ряда.
Только мы успели присесть, как дирижер взмах-
нул палочкой, и музыканты на сцене с готовно-
стью оживили свои инструменты.

Наслаждаясь музыкой, я вдруг поймала себя на мысли, что не свожу взгляда со скрипачей, пытаюсь угадать в их лицах Епифана. Наконец я повернулась к брату, решив утолить свое любопытство. Ромка сидел, сложив руки на груди и прикрыв глаза. Можно было бы подумать, что человек проникся искусством. Причем впечатлился настолько, что хочет пропустить через себя звуки музыки, не желая видеть ничего вокруг, только впитывать прекрасное. Однако я слишком хорошо знала брата, чтобы сразу понять, — он беззастенчиво дрыхнет!

Тайну Лукина мне удалось разгадать только в антракте. Как только музыка стихла, Ромка, резко стряхнув с себя сон, словно пес — капли воды с густой шерсти, выпрямился в кресле и с готовностью позвал:

— Идем!

Уточнять, куда зовет меня братец, было лишним. Я прекрасно помнила, зачем он сюда явился. Ромка стоял надо мной, взглядом намекая, что следовало бы поторопиться.

Уже в буфете, где мы устроились за высоким столиком с двумя бокалами шампанского и заветренными бутербродами с салями — икру, когда подошла наша очередь, успели разобрать, — я спросила брата:

— Как выглядит Лукин?

— Обыкновенно, — пожал плечами Ромка, сделав большой глоток.

— А конкретнее? Пыталась угадать, кто из скрипачей — наш Епифан. Их там четверо мужского пола.

— Тот, что дальше всех от нас сидит, — ответил брат, а я поразились, что он успел что-то разглядеть на сцене, прежде чем провалиться в сон.

Все второе отделение я не сводила взгляда с Лукина. Играл он мастерски и выглядел, кстати, тоже неплохо. Отчего-то Епифан представлялся мне невзрачным сутулым мужичонкой. На деле это был высокий широкоплечий мужчина с модной, слегка удлиненной стрижкой. Я вдруг вспомнила Андрея и Славку разом и подумала, что гитара Лукину в качестве музыкального инструмента подошла бы куда больше скрипки. Не исключено, что именно о ней он в свое время и мечтал, но ему предложили другой инструмент, как мне балалайку когда-то.

К окончанию концертной программы брат успел основательно выспаться, а я в деталях изучить Лукина.

— Ром, а почему Лиза с Епифаном рассталась? — спросила я, когда мы оказались на улице.

— А ты думаешь, легко с ней жить? — ухмыльнулся брат.

Я так не думала, а потому сочла за благо промолчать.

— Заедешь к нам? — предложил Ромка.

— Поздно уже, Ариша спит.

— Давай завтра, как проснешься. Расскажешь Лизавете, как концерт прошел, а то ведь замучает меня вопросами.

— Ну так и расскажешь любимой. У меня на завтра другие планы.

— Предательница! — с напускной обидой в голосе произнес брат.